

М. В. Семиколенных*

**И. С. РИЖСКИЙ И ИСТОЧНИКИ УЧЕНИЯ О ХРИИ
В ЕГО «ОПЫТЕ РИТОРИКИ, СОЧИНЕННОМ
И ПРЕПОДАВАЕМОМ В САНКТПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОРНОМ УЧИЛИЩЕ» (§ § 115–121)****

Статья посвящена Ивану Степановичу Рижскому и его сочинению «Опыт риторики», вместе с «Введением в круг словесности» (1806) и «Наукой стихотворства» (1811) того же автора легшим в основу преподавания теории словесности в российских университетах начала XIX века. В статье освещаются основные этапы биографии И. С. Рижского и, в частности, тот момент, когда, оставив духовное поприще, он перешел на гражданскую службу. Показано, что во многих отношениях оригинальный «Опыт риторики», тем не менее, наследует богатой традиции преподавания этой дисциплины как в Европе, так и в России — в частности, в Троицкой семинарии: так, одним из источников И. С. Рижского, несомненно, были «Elementa Oratoria» Иоганна Фридриха Бургия — учебник, по которому риторику изучало несколько поколений выпускников семинарии. В качестве конкретного примера рассматриваются источники, которые могли лечь в основу нескольких параграфов «Опыта риторики», посвященных понятию хрии.

Ключевые слова: Иван Степанович Рижский, риторика, хрия.

Semikolennykh M. V.

**I. S. RIZHSKY AND THE SOURCES OF THE DOCTRINE OF CHRIYA
IN HIS «EXPERIENCE OF RHETORIC, COMPOSED
AND TAUGHT AT THE ST. PETERSBURG MINING SCHOOL»**

The paper aims to draw attention to Ivan Stepanovich Rizhsky and his work *Experientia Rhetoricae*, which, supplemented with *Introductio in Orbem Litterarum* (1806) and *Scientia Poetica* (1811) by the same author, laid the foundations for courses on literary theory in Russian universities at the beginning of the XIX century. The paper describes the key events in Rizhsky's life, including, in particular, the moment when he defrocked himself and began his civil service. It is demonstrated that, being highly original scholarly and propaedeutical work, *Experientia Rhetoricae*, nevertheless, belongs to a rich tradition rhetorical education both in Europe and in Russia — in particular, in the Seminary of the Trinity Lavra of St. Sergius.

* Семиколенных Мария Владимировна, кандидат культурологии научный сотрудник РХГА; e-mail: maria.semikolennykh@gmail.com

** Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции») в Русской христианской гуманитарной академии.

For example, one of the main sources of this work is, undoubtedly, the *Elementa Oratoria* by Johann Friedrich Burg: the textbook used by the several generations of seminary students. As a specific example, the paper investigates some possible sources for the several paragraphs devoted to the concept of *chreia*.

Keywords: Ivan S. Rizhsky, rhetorics, *chreia*.

В 1811 г. Алексей Иконников, выпускник Горного кадетского корпуса, почтил коротким некрологом память одного из своих бывших преподавателей, Ивана Степановича Рижского. Среди приличных случаю похвал покойному была и следующая: «...дар необходимый для изъяснения чувств и мыслей наших, украшение благовоспитанного, восхищающий добродетельного, исправляющий порочного, утешающий смертных — дар слова был безпримерно преподаваем тобою» [6]. В самом деле, и в Горном корпусе, и в Харьковском университете Рижский пользовался репутацией превосходного преподавателя словесных наук. Однако в светские учебные заведения он попал уже сложившимся педагогом и исследователем: период его становления и первые шаги на ученом поприще были связаны с семинариями: Псковской, а затем — Троицкой.

Согласно справке, составленной для архимандрита Троице-Сергиевой Лавры и ректора Троицкой семинарии Платона (П. Г. Левшина) и хранящейся ныне в архиве Лаврской Духовной семинарии (1736–1814), «философии и истории учитель» и губернский секретарь Иван Степанович Рижский был принят в семинарию 13 февраля 1775 г. «по общему всех принимаемых из других семинарий основанию, для продолжения наук» (найти подтверждающих этот факт документов составителям «репорта» не удалось, несмотря даже на «тщательное двоекратное искание», и пришлось положиться на слова самого Рижского) [15, л. 4–4об.] (та же дата указана в ведомости от 18 марта 1778 г., где отмечены «превосходные дарования» Рижского, на тот момент — ученика класса богословия [12, л. 7]). Перевод его из Псковской семинарии в Троицкую стал возможным благодаря ходатайству «Псковского Преосвященного Иннокентия» (архиепископа Псковского и Рижского Иннокентия (Нечаева)), по-видимому, покровительствовавшего юноше. В «Ведомости об учителях и учениках семинарии» 1784 г. [13, л. 2об. — 3] упоминается Иван Рижский, «священников сын» двадцати девяти лет от роду, который с 16 декабря 1778 г. был «определен риторикой учителем и обучает поэзии» (в аттестате, выданном Рижскому по увольнении с учительской должности в семинарии, указано, что поэзию вместе с риторикой он преподавал с сентября 1782 г. [15, л. 10].), а с 1 января 1783 г. — истории. Согласно этой ведомости, Рижский учился «латинскому, немецкому и еврейскому языкам, географии, философии и богословию». Любопытно, что в этих записях нет сведений об изучении Рижским греческого языка, хотя среди прочих сведений об учителях в ведомости требовалось особо указать степень владения им: «если учился греческому языку, то может ли говорить, писать и переводить, совершенно или нет» (в случае других учителей: наместника и ректора иеромонаха Мелхиседека, префекта иеромонаха Мефодия, Ефимия Веденского и Гаврилы Смирнова, — эти сведения указаны; сведения о том, знали ли греческий также наставник «нижнего класса» иеродиакон Агапит и преподаватель французского и немецкого Иван Сокольский,

в ведомости отсутствуют). В этой же ведомости указано, что Иван Рижский принял постриг в Лавре в 1782 г. (по-видимому, 6 декабря, одновременно с упомянутыми выше Мефодием и Агапитом): эта запись перечеркнута. Осенью 1785 г., когда в семинарии произошёл целый ряд переназначений, Рижский оставил должность учителя риторики и был назначен преподавателем философии [14]. В этот момент он уже был губернским секретарем: чин этот был ему присвоен 11 апреля 1785 г. по ходатайству самого митрополита Платона за «рачительное его должности прохождение и честное поведение» [15, л. 3].

Уже через несколько месяцев, 16 июля 1786 г., Иван Рижский обратился к митрополиту Платону со «всепокорным прошением»: он желал продолжить штатскую службу в Санкт-Петербурге, а потому просил уволить его от «в звании учительском службы» в семинарии «с надлежащим Аттестатом в Санкт-Петербург для определения к месту» [15, л. 1–10б]. Интересно то, как тщательно аргументируется эта просьба: Иван Рижский ссылается на подписанную 21 апреля 1785 г. «Жалованную грамоту дворянству», где «на страницах 22 и 23 точно означается», что «все те, которые состоят в рангах, имеют неоспоримое по законам право личного дворянства», и в особенности на статью 18 той же грамоты (здесь проситель приводит точную цитату: «Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам»); затем Иван Рижский указывает, что состоит в соответствующем чину губернского секретаря «ранге сухопутного порутчика (что точно означается во всемиловейше пожалованном мне патенте)», а следовательно, имеет право на личное почетное дворянство. Такое скрупулезное изложение обстоятельств дела и настойчивое отстаивание своего «вольности права» позволяет предположить, что Иван Рижский мог ожидать от ректора сопротивления или даже отказа: известно, что в этот период духовное начальство противилось выходу талантливых и образованных молодых людей, отучившихся в семинариях, на гражданскую службу [21, с. 58–59]. Причиной тому не в последнюю очередь была нужда в компетентных и образованных кадрах: к концу XVIII в. при поступлении на духовную службу предпочтение повсеместно отдавалось ученым людям [5, с. 563–571]. Хотя множество учеников по окончании курса оставляло духовные школы и уходило на светскую службу по своей воле [5, с. 587–588], а немалое количество исключалось из-за неспособности к учению и нерадивости [5, с. 585–586], немногими, закончившими полный курс, включая классы философии и богословия, начальство очень дорожило. Известно, что митрополит Платон лично увещевал «философов» и «богословов», оказавшихся под угрозой исключения [20, с. 556–558]. Что же касается самовольного выхода из духовного сословия, который «во все царствование Екатерины II... не представлял затруднений» [8, с. 162] (хотя «общих, постоянных законов о свободном переходе детей духовенства в другие ведомства и в гражданскую службу» и не было) [4, с. 79–80], то, когда дело касалось семинаристов, такой выход «казался духовным властям делом увлечения и необдуманности, казался соvrращением с прямого пути» [20, с. 537]. С. Смирнов приводит в пример случай «философа» Федора Сокольского, которому митрополит Платон в 1769 г. отказал в просьбе «уволиться в университет» на том основании, что склонность

к духовной должности «не есть непременная, но зависит от собственного о должности понятия» [20, с. 537–538]. Отказ ожидал учителя поэзии Славяно-греко-латинской Академии Михаила Завьялова, в 1783 г. обратившегося к тому же Платону, директору Академии, с просьбой об увольнении в светское звание [19, с. 373]. Известны и другие случаи отклонения подобных просьб, что дало П. Знаменскому основания утверждать, что митрополит Платон «едва ли не более всех архиереев был против увольнения своих семинаристов и академистов в светскую команду» [5, с. 602].

Решение по делу Ивана Рижского, и в самом деле, вынесено было не сразу. Сначала митрополит Платон потребовал предоставить ему сведения о том, на каком основании молодой человек был принят в семинарию, а также копию указа о пожаловании его чином [15, л. 2]. Затем, по-видимому, последовала переписка с псковским архиепископом, который отдал решение этого вопроса «в волю» ректора [15, л. 5]. В конце концов митрополит Платон постановил: «Посему естли он не согласится остаться в сей должности до будущей вакансии, что послужило б к нашему удовольствию, то его уволить от семинарии по надлежащему, дав пашчпорт для проезда в Санкт-Петербург» [15, л. 5]. По приезде в столицу Ивану Рижскому следовало явиться к, по всей видимости, продолжавшему ему покровительствовать архиепископу Иннокентию (этот факт подтверждает заключение А. М. Феофанова о важной роли, которую механизм патронажа играл в карьере выходцев из духовенства [21, с. 59]). 10 октября 1786 г. Рижский написал, что не желает более оставаться в прежней должности [15, л. 6], и 11 октября ему был выдан аттестат, согласно которому в бытность свою в семинарии он «поступал честно и добропорядочно, и в немаловременном прохождении учительской должности своими трудами и тщанием, приватными и удостоенными публики сочинениями (в годы, проведенные в семинарии, Рижский опубликовал два сочинения: «Сокращение богослужения древних римлян» (1784), собранное из «разных писателей», и «Политическое собрание древнего Рима» (1786). В 1784 г. он издал два перевода с латинского: «Краткое понятие о Сенате древних римлян» П. Мануцион и «Сокращение Магометанской религии» [1, с. 191; 7, с. 48–50]), и немалым числом учеников, к общественной пользе им благообученных, заслужил вечную похвалу» [15, л. 10]. Паспорт был тут же выдан. Следует отметить, что в Санкт-Петербургский Горный кадетский корпус Иван Рижский был определен уже с 1 октября 1786 г. [1, с. 192]. Здесь он преподавал в высших классах риторику, логику, поэтику, латынь, историю и географию, а также французский и немецкий языки, и, кроме того, руководил переводом с французского языка на русский книг по горному делу. Именно здесь в 1790 г. он составил и издал пособие по логике «Умословие, или Умственная философия», а в 1796 г. — «Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санктпетербургском горном училище», переиздававшийся в 1805, 1809 и (уже по смерти автора) в 1822 гг. Вместе с «Введением в круг словесности» (1806) и «Наукой стихотворства» (1811) «Опыт риторики» Рижского надолго стал основой преподавания теории словесности в Московском, Харьковском и Казанском университетах: в этот период на русском языке не было более полного, обстоятельного и ясного ее изложения [1, с. 193].

«Опыт риторики» — учебник во многих отношениях оригинальный и, безусловно, светский: на это указывает уже подбор примеров, значительная часть которых позаимствована Рижским из литературных произведений современников (и здесь кажется важным упомянуть не только М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина или А. П. Сумарокова, но и труды Ж.-Ж. Руссо, и в частности его переписку с Маттео Буттафуоко, письма маркизы де Помпадур, романы Ж.-П. К. де Флориана и сочинения Вольтера). Однако вести поиск источников, на которые Рижский опирался при создании «Опыта», среди пособий, использовавшихся преподавателями риторики Троицкой семинарии, представляется вполне разумным: ведь в стенах этого учебного заведения Рижский провел более десяти лет, и именно там началась его педагогическая карьера.

В учебной программе семинарии риторике было отведено важное место, и в особенности заботился о преподавании этого предмета митрополит Платон, знаменитый проповедник, которого современники называли «вторым Златоустом» и «московским апостолом» [11, с. 20; 20, с. 114]. С. Смирнов сообщает, что он с особой тщательностью подходил к выбору наставников для этого класса (сохранились сведения об экзамене, который он устроил двум кандидатам на эту должность в 1778 г., когда началась учительская карьера Рижского) [20, с. 312] и давал подробные указания относительно методов, которые тем следовало применять. Так, основным учебником были «Elementa Oratoria» Иоганна Фридриха Бургия («риторика Вратиславская»), по которому учился и учил сам митрополит Платон: в каталоге семинарской библиотеки есть запись о покупке 50 экземпляров «риторик бреславоних» в 1776/1777 г. [16, л. 127об]; Бургия в семинарии ценили так высоко, что, когда в 1798 г. указом Синода было предписано преподавать риторику по Франциску Лежаю, митрополит Платон после обсуждения вопроса с тогдашними ректором и префектом вынес вердикт: «Бургиеву преподавать, а для большего объяснения и дополнения употреблять и новоизданную» [20, с. 313–314]. Затем следовало читать и разбирать римских ораторов и историков, прежде всего Цицерона, Квинтилиана, Непота и Курция, и сочинять подражания этим авторам. Учеников надлежало «занимать больше практикою, нежели теориею»; каждое правило следовало пояснять примерами — чем больше, тем лучше, — и отрабатывать на практике, причем писать упражнения ученики должны были попеременно на русском и на латыни. В качестве русскоязычного руководства рекомендовалась риторика М. В. Ломоносова [20, с. 310]; в 1778 г. в употребление было введено «Краткое руководство к Оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» Амвросия Серебрянникова [18] (в круг его источников входила риторика Ломоносова, а примеры заимствовались не только из римских классиков, сочинений того же Ломоносова и Сумарокова, но и из речей самого митрополита Платона), но заменить собой учебник Бургия ему не удалось [20, с. 313] (Амвросий преподавал в семинарии греческий, с 1773 г. — риторику, с 1776-го — философию, а в 1778 г. был назначен префектом Славяно-Греко-Латинской академии [20, с. 495]). Среди руководств по риторике, хранившихся в семинарской библиотеке, можно найти и другие популярные в то время пособия, с большинством из которых

И. С. Рижский, вероятно, был хорошо знаком. В этот список входит, например, «Oratoria in tabulas compendiaras redacta» Иеронима Фриера (Hieronymus Freyer), «Основания лучшего стиля» («Fundamenta styli cultioris») Иоганна Готлиба Гейнекция, сочинения Иоганна Кристофа Готшеда и Герарда Фосса (Воссия), «Книга о риторике» («Liber de arte rhetorica») испанского иезуита Киприана Соария (Суареса), «Риторические вопросы» («Quaesitia rhetorica») чешского иезуита Богуслава Балбина и многие другие сочинения. Семинария располагала множеством экземпляров сочинений античных авторов, как греческих, так и римских; были здесь, разумеется, святые отцы (Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст), был экземпляр «Автония софисты школьных задач», были сочинения Эразма Роттердамского (в том числе «Ecclesiastes sive de ratione concionandi, De copia verborum ac rerum, Lingua sive De lingua usu atque abusu») и четырехтомник Филиппа Меланхтона (в состав которого входили и труды по риторике).

В некоторых случаях источники Рижского достаточно легко определить: например, рассуждая о подражании и перечисляя все приемы, которые следует при нем использовать, он в заключение приводит сравнение Гейнекция: «Таким образом... подражание столько будет сходно с подлинником, сколько одно яйцо с другим» [17, с. 390; ср. 25, р. 325], — и можно предположить, что и разделение подражания на «детское» (puerilis) и «мужественное» (virilis) у Рижского восходит именно к Гейнекцию (разумеется, с существенными сокращениями); стоит отметить, что как раз к Гейнекцию отсылает читателей в параграфе о подражании Бургий [23, р. 225]. Учение о слоге в четвертой части «Опыта», вероятно, излагается по современным автору французским риторикам, прежде всего, Шарлю Батте (автору пятитомного «Cours des belles-lettres, ou principes de la littérature»), имя которого Рижский упоминает: во всяком случае, складывается впечатление, что именно на этого автора он опирается, характеризуя различия «изобильного» и «сокращенного» слога (style périodique и style coupé) [17, с. 359–363; ср. 22, р. 162ff]. Вопрос о степени влияния перечисленных (и, вероятно, многих других) авторов на «Опыт риторики» И. С. Рижского, несомненно, требует серьезного изучения и не может быть решен в рамках данной статьи.

Нам бы хотелось остановиться на лишь одном небольшом фрагменте «Опыта риторики» (§ § 115–121, посвященные понятию хрии, владение которой сам И. С. Рижский считал одним из важнейших для оратора и писателя навыков) и сопоставить его с соответствующими местами в трех риториках, к которым И. С. Рижский должен был чаще всего обращаться еще в Троицкой семинарии (сочинениях И. Ф. Бургия, А. Серебрянникова и М. В. Ломоносова).

Понятие «хрия» (ἡ χρεία) известно с поздней Античности [см. 24; 27; 28]. Она была одним из «предварительных упражнений» (греч. προυπνάσματα; лат. praeeexercitamina) для изучающих риторику, подробно описанных в четырех греческих трактатах, ставших предметом изучения и комментирования в Византии. Авторство этих трактатов приписывалось Элию Теону (I в. н. э.), Гермогену Тарсийскому (II в. н. э.), Автонию Антиохийскому (конец III — начало IV в. н. э.) и Николаю Софисту (V в. н. э.), но именно сочинению Автония, ученика Либания, была посвящена практически вся византийская коммента-

торская традиция: у него хрия — это краткое припоминание о высказывании или действии, приписываемом определенному лицу [27, р. 97]. Во всех четырех трактатах выделяется три основных вида хрии: словесная, действительная (т. е. выражаемая одним лишь действием) и смешанная, — а также перечисляются основные ее части.

Самый ранний комментарий на Автония принадлежит Иоанну Сардскому (середина IX в.), который, вероятно, составил также комментарии на некоторые части корпуса сочинений Гермогена. Комментарий Иоанна в пять раз длиннее текста Автония и содержит множество разъяснений и дополнений [28, р. 14]. За ним последовала анонимная схолия XI в., представляющая собой тщательно выстроенный корпус риторических произведений, ядром которого являлись четыре трактата Гермогена и сочинение Автония [28, р. 87]. К этому же периоду относится комментарий Иоанна Доксапатра [28, р. 128ff]; в конце XII в. был составлен сборник «*Rhetorica Marciana*», в основе которого лежали трактаты Гермогена [28, р. 259ff]. К концу XIII в. относится комментарий Максима Плануда [28, р. 277ff], а завершает византийскую традицию «Эпитома» Матфея Камариота (XV в.), благодаря которой «Упражнениям» Автония удалось сохранить свое место в академической программе и после падения Византии [28, р. 321ff].

Существовала также латинская традиция использования термина *chreia*: он появляется в «*Institutio Oratoria*» Квинтиллиана (I.9.3–5; II.4.26); с понятием хрии принято отождествлять термин *expolitio*, использующийся в псевдоцицероновой «*Rhetorica ad Herennium*» (IV.XLII.54); около 500 г. н. э. Присциан составил латинскую версию приписываемого Гермогену учебника, где греческий термин ἡ χρεῖα был переведен латинским словом *usus* [24, s. 193]. С начала XVI в. «*Progymnasmata*» Автония приобретают невероятную популярность [26, р. 27], повлияв в т. ч. на труды Иоганнеса Штурма, Эразма Роттердамского и Филиппа Меланхтона [24, S. 193–194]. К XVII в. сочинение периодов и хрий по жестким схемам и правилам становится повсеместно распространенным школьным упражнением, и именно в этой своей функции хрия входит в российскую риторику. В 1802 г. в инструкции для очередного семинарского учителя красноречия митрополит Платон требовал сопровождать каждое объяснение примерами, причем «и ученикам задавать, чтоб они сочиняли по латыне и по русски периоды, хрии и большие речи по правилам, и на всякий троп... имели бы особые образцы» [20, с. 315]. Таким образом, хрия становилась непременной частью риторического образования: В. И. Аннушкин даже выдвигает теорию о наличии разных «филологических симпатий» у петербургской (более консервативной и педагогически ориентированной) и московской (новаторской) школ риторики как раз на основании того, что хрия рассматривается преимущественно в сочинениях петербургских авторов [2, с. 299]. Как бы то ни было, школьная рутина не пошла хрие на пользу: достаточно быстро из «полезного» (χρεῖος) упражнения, позволяющего формализовать речь и логически выстраивать аргументацию, она превращается в своеобразный символ бессмысленной зубрежки, не имеющей никакого отношения к подлинному красноречию [3].

Своеобразное предвосхищение этого «выхолащивания» хрии можно найти уже у Ломоносова, за примерами хрии обращающегося к Бианту и Ци-

церону, поскольку среди «по предписанным от Автония-софисты правилам, строго от новых авторов сочиненных» ему «почти ни единой путной видать не случилось» [9, с. 299]. В «Кратком руководстве» список частей хрии приводится по Автонию: единственное различие состоит в замене «похвалы» «приступом» (выполняющим, впрочем, ту же задачу) [9, с. 296–297, 27, р. 97]. Как и у Автония, хрии разделяются на действительные, словесные и смешанные [9, с. 295–296]; вводится также разделение на полные (содержащие все восемь частей) и неполные, порядочные (т. е. те, в которых части располагаются по порядку) и непорядочные хрии [9, с. 295]. Завершается раздел о хрии рекомендацией: «Охотники, которые заправду хотят в красноречии упражняться, могут сию же тему для своего обучения распространять из разных мест риторических и украсить пристойными тропами и фигурами для своей пользы» [9, с. 311].

Четырьмя годами ранее, рассуждая в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» о расположении и выделяя четыре части «слова» (вступление, истолкование, утверждение, заключение), Ломоносов писал о хрии даже с некоторым пренебрежением: «Некоторые риторы располагают свои слова чрез особливую форму, называемую хрию, которая разделяется на осмь частей, однако нет в ней ничего особливого, и все ея части в помянутых четырех частях слова заключаются, для того об ней обстоятельно писать оставляю» [10, с. 65]. Любопытно, что в конце XVII в. именно четырехчастной, «легкой и детской» сделал хрию из педагогических соображений Христиан Вайзе в своем «*Neu-Erleuterter Politischer Redner*» [24, S. 193–194]: такое деление (*protasis, aetiologia, amplificatio, conclusio*) становится традиционным для европейских и, в частности, немецких учебников XVIII в. Именно его мы находим у Бургия, для которого автониянская хрия оказывается маргинальным сюжетом, упоминаемым лишь в одном из двадцати восьми посвященных хрие параграфов [23, р. 58]. Четырехчастная хрия предполагала возможность существенного усложнения, что, собственно, и демонстрируется в учебнике Бургия: особенно подходящий материал для этого давала третья ее часть, «умножение» (*amplificatio*), где доводы можно было приводить от противного, от подобия, от примера и от свидетельства (таким образом, упрощенная хрия могла быть, по сути дела, «восстановлена» и возвращена к исходной форме) [23, р. 60–63]. Бургий также отмечает, что части хрии можно по-разному переставлять [23, р. 64], и вводит понятия *chria ordinata* и *chria inversa* («превращенная» или «искусственная» хрия), причем уделяет много внимания различным видам последней (следуя в этом, опять-таки, школьной традиции, восходящей к Вайзе) [23, р. 65–68].

Очень заметно, что сочинения Бургия и Ломоносова были среди основных источников Амвросия Серебрянникова, хотя тот и допустил некоторые вольности: так, он перечисляет семь частей хрии, первой из которых называет «приступ» (*protasis*); дальнейший список соответствует ломоносовскому — или автониевскому, — правда, из него исключен парафраз. Части хрии могут быть «в порядке своем переменяемы, уменьшаемы и умножаемы» — отсюда полная и неполная, порядочная и непорядочная хрия [18, с. 77]. Появляется у него также деление хрий на простые и искусственные, причем последние бывают двойными: хрии первого вида (у Бургия — *chria per antecedens et consequens*)

состоят из приступа, причины, союза, следствия и окончания; хрии второго вида (у Бургия — *chria per thesin et hypothesin*) из общего рассуждения (т. е. собственно тезиса) и предложения [18, с. 77–80]. Вслед за Бургием Серебряников отмечает, что «общее рассуждение» может быть заменено примерами, свидетельствами, антитезисами, «Емблеммами, Символами, монетами, или медалями Государей», пословыми, баснями и проч. [18, с. 80; 23, р. 68].

Посвященные хрии параграфы «Опыта риторики» открываются описанием простой хрии, состоящей из семи частей (так же, как у Серебряникова) [17, с. 170–172]. Автонианская хрия выделяется в отдельный вид (в такой хрие предложение распадается на похвалу изречению, взятому в качестве «материи» хрии, и «разумножение» содержания этих слов в одном или нескольких периодах) [17, с. 177–178]. Описав эту строгую схему, Рижский тут же отмечает, что «нигде в лучших сочинениях не можно найти такой хрии, которая бы имела все показанные части, и притом в таком порядке, какой предписывается правилами» (дистинкции «полная/неполная, порядочная/непорядочная хрия» (которую мы видели у Ломоносова и Серебряникова) у Рижского появляется лишь в виде подзаголовка: «Хрии бывают неполные и неправильные»). Он описывает также искусственную хрию (*chria inversa*), но лишь первого вида (ту, что у Бургия носит название *chria per antecedens et consequens*). Завершается эта часть «Опыта риторики» несколько мольеровским по духу замечанием, что все письма и краткие речи «в рассуждении своего расположения и частей наиболее суть не что иное, как хрии» [17, с. 184].

Как было отмечено, замечанием о вариативности форм хрии находится место даже в весьма схематичном изложении Бургия. Однако именно И. С. Рижский с особенной настойчивостью подчеркивает принципиальную свободу сочинителя в использовании этого метода: части хрии можно опускать, повторять и вообще располагать в том порядке, «как сочинителю удобнее казалось их связать между собою» [17, с. 180]. Это соответствует и общим представлениям Рижского о риторике: признавая, что дарования, чувствительность и опыт позволяют иным людям говорить «весьма приятно», он тем не менее настаивает, что «самая счастливая природа имеет нужду в руководстве науки, которая будучи основана на замечаниях и опытах искуснейших людей всех времен, одна в состоянии образовать и усовершенствовать способности и дарования, и довести до истинного красноречия» [17, с. 1–2]. Таким образом, восьмичастная хрия оказывается у него не жесткой схемой или бессмысленным школьным упражнением: ее освоение — начальный этап, непременное условие выработки оригинального стиля. Как бы не складывались далее судьбы риторического образования в России, целью И. С. Рижского определенно было привить своим читателям вкус к риторическим упражнениям, а не навязать им схоластические и устаревшие правила.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азанчевский В. Рижский // Русский биографический словарь. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913. — Т. 22. — С. 192–195.

2. Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. — М.: Высшая школа, 2003.

3. Богданов К. А. Нерусская хрия: польза, забота, строптивные слова // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 2 (132). — С. 39–54.

4. Знаменский И. П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. — М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1880.

5. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881.

6. Иконников А. Мысли при кончине Ивана Степановича Рижскаго, Императорскаго Харьковского университета ректора и императорской Российской академии члена и кавалера. — Харьков: В Университетской типографии, 1811.

7. Кукушкина Е. Д. Рижский Иван Степанович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р–Я) / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. А. М. Панченко. — СПб.: Наука, 2010. С. 48–50.

8. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Тип. Монтвида, 1909.

9. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. — Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг.

10. Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. — Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг.

11. Надежина А. Митрополит Московский Платон Левшин как проповедник. — Казань, 1891.

12. РГБ. — Ф. 757. — К. 40. — № 2.

13. РГБ. — Ф. 757. — К. 45. — № 11.

14. РГБ. — Ф. 757. — К. 47. — № 25.

15. РГБ. — Ф. 757. — К. 49. — № 21.

16. РГБ. — Ф. 173.I. — Д. 585.1.

17. Рижский И. С. Опыт риторики: Сочиненный и преподаваемый в Санктпетербургском Горном училище. — СПб.: При Корпусе чужестранных единоверцев, 1796.

18. Серебрянников А. Краткое руководство к Оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. — М.: В тип. при Театре у Хр. Клаудия, 1791.

19. Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. — М.: Тип. В. Готье, 1855.

20. Смирнов С. История Троицкой Лаврской семинарии. 1867 г. Издание почетного блюстителя М. Д. Акад. Толоконникова А. В. — М.: Тип. В. Готье, 1867.

21. Феофанов А. М. Выходцы из духовного сословия в элите Российской империи (XVIII — первая четверть XIX в.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2015. — Вып. 1(62). — С. 52–61.

22. Batteux Ch. Cours de belles-lettres ou principes de la litterature. — Paris: Desaint et Saillant; Durand, 1753. — Vol. 4.

23. Burg Johann Friedrich. Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus facto praeseptorum delectu tironibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentis sensim ad difficiliora et summa justo ordine manuducendis et prudenter instituendis accommodata antea quidem in usum gymnasiorum Vratislaviensium. — Lipsiae: Breitkopf, 1790.

24. Fauser M. Chreia // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / hrsg. von Gert Ueding. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. — Bd. 2. — S. 190–197.

25. Heineccius Johann Gottlieb. *Fundamenta stili cultioris*. — Venetiis: Ex Typographia Balleoniana, 1743.
26. Mack P. *A History of Renaissance Rhetoric: 1380–1620*. — New York: Oxford University Press, 2011.
27. *Progymnasmata: Greek textbooks of prose composition and rhetoric* / transl. with introductions and notes by George A. Kennedy. — Atlanta: Society of Biblical Literature, 2003.
28. *The Chreia and Ancient Rhetoric: Commentaries on Aphthonius's Progymnasmata* / [transl. and ed. by] Ronald F. Hock. — Atlanta: Society of Biblical Literature, 2012.